

Весть о том, что недобитые мятежники из Учения Великого Спокойствия сумели пробраться в императорский дворец и совершить новое покушение на государя Великого Лян, громом поразила Поднебесную. Известие о внезапной кончине правителя повергло двор и народ в глубокое смятение.

За первым шоком последовал полнейший хаос. Янь Юйсюань не оставил после себя наследников, и во всей необъятной империи не нашлось ни единого принца, которого можно было бы возвести на престол. Сановники совершенно растерялись. Наконец старейшина Кабинета Лю первым выступил с предложением: князь Дуань — родной брат покойного императора, одарен как в военных, так и в гражданских делах, радеет о благе государства и способен укрепить пошатнувшийся престол. Кому, как не ему, принять бразды правления? В этих словах придворные обрели долгожданную опору. Один за другим они поспешили выразить покорность, изъявляя горячее желание провозгласить князя Дуаня новым владыкой Великого Лян.

Впрочем, находились и те, у кого в душе копошились смутные сомнения. Дворец — не охотничье угодье, стража здесь несет службу денно и ночно. Как уцелевшие фанатики из Учения Великого Спокойствия ухитрились проникнуть сквозь столь плотные заслоны? Где в момент нападения находились сотни отборных гвардейцев внутренней охраны? Говорили, что и сам князь Дуань в тот час присутствовал во дворце. Неужто с его прославленным воинским искусством он не сумел уберечь государя?

Но сомнения так и остались невысказанными: никто не посмел подать голос. Странности этого дела бросались в глаза каждому, но первый министр хранил ледяное молчание, командующий гвардией безмолвствовал, главный евнух покойного императора напустил на себя таинственность, и даже императрица Линь Цзиньчжи не высказал ни единого возражения. К чему же тогда им навлекать на себя беду и лезть на рожон?

Какова бы ни была истина, прежнего государя уже не вернуть, а князь Дуань отнюдь не слыл ничтожеством. Его восшествие на престол в эти смутные дни действительно казалось наилучшим выходом для государства.

Пока в столице Великого Лян наперебой умоляли князя Дуаня принять корону, Тан Цзю затворился в Дворце Вечного Веселья, ведя тихий разговор с Линь Цзиньчжи.

Тан Цзю подошёл к зеркалу и, глядя на отражение высокого, стройного юноши, тихо заговорил:

— Не знаю, слышишь ли ты меня... Наша задача выполнена. Саньсань сказал, что едва я уйду, к тебе вернется власть над собственным телом. Извини уж, что пришлось занять твое место на какое-то время.

— Все те, кто причинил тебе боль, получили по заслугам. Когда очнешься, не трать жизнь на старые обиды и былую ненависть. Живи счастливо, так, как сам когда-то мечтал. Ты невероятно одарен, да и собой хорош — уверен, у тебя все сложится прекрасно, за что бы ты ни

взялся!

— И еще... я должен попросить у тебя прощения, — Тан Цзю виновато опустил глаза. — Не сдержался и, пользуясь твоим телом, закрутил роман с Янь Юйчэнем... Но он действительно потрясающий человек! С тем ничтожеством, прежним императором, его даже сравнивать глупо. Юйчэнь так сильно любит тебя... думаю, он сумеет стать тебе надежной опорой...

Сердце отозвалось острой, щемящей болью. Прежде Тан Цзю полагал, будто нет ничего хуже предательства любимого человека. Теперь же он осознал: своими руками отдавать того, кого любишь всей душой, другому — во сто крат мучительнее.

— Разумеется, решать только тебе. Если Янь Юйчэнь тебе не по душе, не неволь себя, не оставайся с ним против воли, — кончик носа у отразившегося в зеркале юноши порозовел, в его ясных, холодных глазах блеснули слезы. Он шутливо сложил ладони вместе и умоляюще покачал ими. — Но можно мне озвучить одну маленькую, эгоистичную просьбу? Если решишь расстаться с ним, сделай это как можно мягче. Постарайся... не ранить его слишком сильно.

— Прости, что-то я разболтался, — Тан Цзю сквозь слезы весело улыбнулся и помахал зеркалу рукой. — Прощай, Линь Цзиньчжи.

— И отныне — живи свободно!

Линь Цзиньчжи неторопливо доставал из шкафа сменную одежду, аккуратно складывая каждую вещь в ровный квадрат и упаковывая в дорожный узел. Так он заново привыкал к управлению собственным телом.

Казалось, события прошлой жизни канули в далекое прошлое, но он помнил всё до мельчайших подробностей. И черные дни своего безумия, и то, как огонь пожирал его плоть в охваченном пламенем дворце.

Странно, но на душе у него было на редкость спокойно. Все пережитое виделось теперь зыбким и нереальным — словно цветы сквозь пелену тумана или отражение луны в колышущейся воде. Будто он читал повесть о судьбе постороннего человека.

Должно быть, слова ушедшего гостя подействовали на него исцеляюще. Былое осталось позади, а впереди его ждало бескрайнее будущее и годы, принадлежащие только ему одному.

Все то время, пока его телом управлял пришелец, Линь Цзиньчжи словно пребывал в глубоком сне, краем глаза наблюдая, как чужак шаг за шагом вершит его мечь. Он испытывал глубокую признательность к душе по имени Тан Цзю, но вот одна его предсмертная просьба вызвала у юноши легкую головную боль.

Пережив столько ужасов в прошлой жизни, Линь Цзиньчжи растерял все силы. В его израненном сердце не осталось места для любви. Тан Цю уверял, будто Янь Юйчэнь без ума от него, но Линь Цзиньчжи прекрасно понимал: князь Дуань полюбил яркую, искреннюю душу Тан Цю, временно занявшую чужую оболочку.

Тот пришелец был веселым, открытым и невероятно обаятельным, неудивительно, что князь потянулся к нему. Сам же Линь Цзиньчжи всегда отличался холодным, замкнутым нравом. Было вполне естественно, что такой сухой человек никого не мог привлечь.

Все ласки, нежные признания и общие воспоминания с князем Дуанем принадлежали Тан Цю. Линь Цзиньчжи не желал становиться третьим лишним в этих отношениях — даже если соперник был лишь бесплотным призраком в его мыслях.

Но как деликатно объяснить все князю Дуаню, чтобы не разбить ему сердце?

Промучившись над этой неразрешимой задачей, Линь Цзиньчжи так и не нашел подходящего ответа. В конце концов, мысленно попросив прощения у ушедшего Тан Цю, он набросал короткое прощальное письмо, оставил его на столе в Дворце Вечного Веселья и, воспользовавшись всеобщей неразберихой, беспрепятственно покинул дворец по личному пропуску. Дорога привела его на пристань Ишуй, откуда он намеревался отплыть на юг.

Не желая делить судно с чужаками, он не поскупился на серебро и нанял отдельную лодочку. Пожилой лодочник охотно согласился:

— Садитесь поудобнее, молодой господин! Сейчас отчаливаем!

Линь Цзиньчжи опустился на нос лодки, положив узел с вещами на колени, и тихо отозвался:

— Хорошо.

— Постой! Задержи лодку! — раздался яростный крик.

Не успел лодочник опустить весло в воду, как по берегу во весь дух примчался всадник. Его громовой голос, подкрепленный внутренней силой, заставил всех присутствующих на пристани испуганно обернуться:

— Линь Цзиньчжи!

Пораженный Линь Цзиньчжи резко поднялся на ноги. Мужчина в черных одеждах добежал до самого края причала и, оттолкнувшись от досок, взмыл в воздух. Под вопли изумленной толпы он с безупречной точностью приземлился прямо на палубу хлипкого суденышка. Старик-лодочник опешил и испуганно воззрился на незваного гостя:

— Господин хороший, вы чего...

Янь Юйчэнь, тяжело дыша, выудил из-за пазухи увесистый мешочек с золотом и сунул его в руки старика:

— Я покупаю эту лодку.

Ошарашенный лодочник уставился на чистейшее золото. Радость едва не лишила его чувств. Опасаясь, как бы щедрый безумец не передумал, он бросил весло и в мгновение ока перемахнул на берег.

Янь Юйчэнь медленно повернулся к Линь Цзиньчжи, вперив в него неотрывный, пылающий взгляд.

Линь Цзиньчжи и представить не мог, что тот настигнет его так быстро. Не зная, куда деваться от неловкости, он собирался заговорить, но первая же фраза Янь Юйчэня лишила его дара речи.

— Я знаю, что все это время моим собеседником был не ты, — негромко произнес Янь Юйчэнь.
— И, по правде говоря... я тоже до недавних пор не был самим собой.

Они встретили смерть в один и тот же день.

Молва веками приписывала князю Дуаню ветреность и любвеобильность, но никто в Поднебесной не подозревал, что на двенадцатом году девиза Чжэньюань, во время дворцовых экзаменов, его сердце навсегда пленил один единственный человек.

Янь Юйчэнь и сам не мог объяснить, почему мимолетный взгляд на Линь Цзиньчжи заставил его потерять покой. С того дня все его мысли занимал лишь этот юноша. Однако в те годы молодой князь был слаб и обделен влиянием. Чтобы уцелеть в кровавых дворцовых распрях, ему приходилось скрывать свои когти и притворяться праздным гулякой. Он не мог, подобно старшим братьям, открыто выказать покровительство молодому лауреату экзаменов. Ему оставалось лишь бессильно наблюдать, как Линь Цзиньчжи выбирает сторону наследного принца, сближается с ним день ото дня и, наконец, принимает титул его императрицы.

Янь Юйчэню не была чужда жажда власти. Видя, как один за другим гибли его братья от руки Янь Юйсюаня, он прекрасно понимал: лучший способ выжить — самому занять драконий трон. Он тайно растил верных людей и собирал силы. Порой ночами ему снилось, как он пронзает клинком Янь Юйсюаня, а после с трепетом протягивает руку к стоявшему подле трона Линь Цзиньчжи.

Но во сне Линь Цзиньчжи оборачивался к нему, его бледное лицо орошали кровавые слезы, а во взоре горела лютая, непреходящая ненависть.

Просыпаясь в холодном поту, князь часами сидел во тьме ночи. В конце концов эти кошмары заставили его отказаться от мыслей о перевороте.

Он просто не мог заставить себя убить того, кого Линь Цзиньчжи преданно любил.

«Раз уж Янь Юйсюань способен подарить ему счастье, я побуду праздным князем. Мне хватит и того, что я смогу изредка видеть его во время редких приемов во дворце», — думал он тогда.

Он пристроил верного Сяо Шуньцзы служить в Дворец Вечного Веселья с единственным наказом: раз в несколько дней тайно слать вести. Юйчэнь хотел знать все: хорошо ли Линь Цзиньчжи ест, крепок ли его сон, весел ли он, не обижает ли его какая-нибудь дворцовая челядь. Чтение этих коротких записок было единственной радостью, согревавшей его бесцветную, тоскливую жизнь.

Чего он никак не мог предвидеть, так это предательства покойного императора. Прошло всего три года, и Янь Юйсюань ввел во дворец нового фаворита, лишил Линь Цзиньчжи звания императрицы и запер под замок. Узнав об этом, Янь Юйчэнь едва не лишился рассудка от ярости. Он немедленно отправил своих лучших воинов выкрасть узника из Дворца Весенней Парчи, но стража там стояла насмерть, и замысел провалился.

И тогда он решился на бунт.

Но собранные за годы силы были давно распущены, а на то, чтобы созвать верные полки вновь, требовалось время. Как ни торопился Янь Юйчэнь, не зная сна и отдыха, злой рок опередил его.

Сначала пришла страшная весть: Линь Цзиньчжи лишился рассудка.

Следом обрушился второй удар — в Дворце Вечного Веселья вспыхнул пожар. Ни одной живой душе не удалось спастись из огненной ловушки.

Узнав об этом, в ту же ночь Янь Юйчэнь поднял мятеж.

Ослепленный горем и яростью, он крушил все на своем пути. Пробившись сквозь заслоны императорской гвардии, он ворвался в тронный зал. В его тело вонзились десятки стрел, но он не сделал ни шагу назад. Его теплая кровь залила золотые ступени величественного чертога. В тот день он заставил Янь Юйсюаня и Шэнь Кэ сполна заплатить за погубленную жизнь его возлюбленного, отправив их вслед за ним в преисподнюю.

Истекая кровью на холодном полу, он медленно закрыл глаза, уверенный, что это конец. Но во тьме раздался загадочный голос. Нечто спросило, желает ли он повернуть время вспять и заключить договор: отдать на время контроль над своим телом таинственному страннику, который восстановит справедливость.

Янь Юйчэнь согласился без раздумий.

Если можно вернуть прошлое и спасти Линь Цзиньчжи, он без тени сомнения отдал бы свою душу хоть демонам, хоть злым духам.

Янь Юйчэнь вкратце пересказал суть событий, намеренно опуская самые жуткие подробности. Но Линь Цзиньчжи, наделенный острым умом, без труда понял, о чем тот умолчал.

Какую нечеловеческую отвагу нужно иметь, чтобы в одиночку бросить вызов императорской гвардии, ворваться во дворец и казнить узурпатора с его фаворитом?

Сколько стрел пронзило его грудь, сколько крови утекло из его ран, и какую мучительную смерть он принял ради мести?

Линь Цзиньчжи никогда не знал, что тогда, в темные дни его безумия, когда казалось, будто весь мир отвернулся от него, существовал человек, готовый пожертвовать всем ради него одного.

Оказывается, в его жизни был такой человек...

— Ты... не плачь, пожалуйста! — Янь Юйчэнь растерялся, увидев, как беззвучные слезы покатались по щекам Линь Цзиньчжи. Князь засуетился, словно напроказивший ребенок. Не зная, как унять эту бурю, он набрался смелости, протянул дрожащие руки и крепко прижал юношу к себе, неуклюже похлопывая по спине. — Все хорошо, теперь все хорошо... Слышишь? Все позади...

Линь Цзиньчжи уткнулся лицом в его плечо, тихо выдохнув согласие. Немного успокоившись, он спросил:

— Но как ты понял... что это был не я?

— Разве мог я не знать твоих привычек? — мягко прошептал Янь Юйчэнь. — Хотя я и не владел своим телом, но видел все, что происходит вокруг. Когда ты с ходу осадил наложницу Юй, я заподозрил неладное. А уж когда заметил, с каким аппетитом ты уплетаешь сладости, сомнений не осталось. Помня о собственной сделке, я догадался, что в тебе тоже гостит чужая душа.

«Вот оно как...»

Когда все тайны наконец раскрылись, над тихой речной гладью вновь повисло молчание. Они стояли друг напротив друга на качающейся палубе.

Пока Янь Юйчэнь лихорадочно соображал, что сказать дальше, Линь Цзиньчжи заговорил первым:

— Я не хочу оставаться в столице. Думаю отправиться на юг, найти живописный уголок среди гор и рек и пожить там какое-то время.

Не понимая, не вежливый ли это способ прогнать его, Янь Юйчэнь с трудом сглотнул скопившуюся слюну и растерянно выдавил:

— О...

Линь Цзиньчжи спросил:

— А как же ты? Разве ты не должен вернуться и принять корону?

Янь Юйчэнь опешил и тут же горячо возразил:

— Ни за что! С меня довольно этой обузы, и даром не нужен этот трон! Я уже отправил гонцов за четвертым императорским братом в его удел. Он всегда метил на царство, к тому же человек толковый и справедливый. Трон будет в надежных руках.

Линь Цзиньчжи понимающе кивнул, устремив на него кристально чистый взгляд:

— В таком случае... не согласишься ли ты разделить со мной это путешествие на юг?

Янь Юйчэнь замер. Осознание смысла этих слов доходило до него долгие мгновения, после чего его красивое лицо мгновенно залила густая краска. Он принялся неистово кивать, лепеча невпопад:

— Согласен! Конечно, согласен! Хоть на край света, куда угодно!

Линь Цзиньчжи невольно рассмеялся, глядя на его ребяческий восторг, и на губах его расцвела мягкая, искренняя улыбка. Янь Юйчэнь завороченно уставился на него, позабыв обо всем на свете, и лишь спустя минуту смущенно отвел взгляд. Суетливо ухватившись за весло, он выпалил:

— Тогда отплываем прямо сейчас!

И вот человек, державший в руках судьбу огромной империи, послушно и радостно налег на весла. Он греб изо всех сил, то и дело глуповато улыбаясь собственным мыслям. Маленькая лодка плавно скользила по изумрудным волнам реки Ишуй. Линь Цзиньчжи стоял на носу,

любуюсь, как по обеим сторонам реки теснятся поросшие изумрудным лесом холмы. Речная гладь, чистая, точно зеркало, отражала величавые горы и бескрайний купол ясного неба. Пейзаж вокруг дышал покоем и величием.

Прохладный речной ветер трепал широкие рукава его одежд. Вглядываясь в открывающийся впереди простор, Линь Цзиньчжи наконец-то почувствовал, как с его души спала тяжелая вековая ноша, и на его лице отразилось облегчение.

Все былые невзгоды остались позади.

Отныне мир лежал перед ним — огромный и свободный. И не было более на свете оков, способных его удержать.

<http://bllate.org/book/20582/2161854>